

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ И ВЛАСТЬ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА (НА ПРИМЕРЕ ОРЕНБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ)

Волна революции 1905 года, вызванная нерешенностью актуальных вопросов развития государства и общества, вынудила власть встать на путь диалога. Свободы, дарованные Николаем II, придали оппозиции правовой характер, однако авторитарная практика монархического правительства, будучи всецело ориентированной на нейтрализацию общественных сил, отсутствие традиции сотрудничества порождало взаимное непонимание, политическую близорукость, агрессию.

Низкий уровень политического сознания не только общей народной массы, но и в среде интеллигенции, чиновников, проявился в период легализации политических партий: сказалось отсутствие демократических традиций, общий низкий уровень образования среди населения, включая многих представителей служилого класса. В то же время на фоне участвовавших правонарушений, совершаемых членами леворадикальных партий, убийства представителей власти, хищения государственного имущества и т. д., приобретших чудовищные размеры по стране в целом и на Урале в частности, Оренбуржье было относительно спокойно. Несмотря на это, репрессии обрушились не только на леворадикальные организации и объединения, но и на представителей Конституционно-демократической партии. Хотя по сравнению с крайне левыми, «кадетская» оппозиция вела себя по отношению к государству лояльно и достаточно корректно, однако все это для правительства было сомнительно. Власть, установив правовые рамки для оппозиции, подчас нарушала их в угоду сиюминутной политической выгоды, а иной раз и головоуярства на местном уровне. В целом, приписывая всей оппозиции одинаково внеправовые тенденции, не желая разобрататься во всех оттенках, нюансах, притеснялись и недооценивались по настоящему нужные стране либералы. Более того, отношения властей к партиям оппозиции принципиально не различались. Неслучайно привлеченные к суду против «кадетов» в качестве свидетелей полицейские по «вычке» заявляли, что «нашли во время обыска документы социал-демократов».

Таким образом, взаимоотношения партий и власти и до, и после манифеста 17 октября 1905 года, можно охарактеризовать как обоюдно неприязненные (за исключением разве что крайне правых). С одной стороны, власть не желала прислушиваться к интересам большинства населения России, выразителем волеизъявления которых были, в том числе легальные политические партии. С другой стороны, неискушенное в политике общество было единодушно в неприязни самодержавия и нежелании компромиссов. Подобное обоюдное непонимание и породило в конечном итоге Февральскую революцию 1917 года и последовавшие за этим страшные социальные потрясения.

Ключевые слова: Оренбургская губерния, оппозиция, политические партии, леворадикалы, власть.

Реформы Александра II, положившие начало модернизации, всесловному самоуправлению на местах и другим аспектам цивилизационного развития страны, не затрагивали политической надстройки общества, что положило начало серьезным противоречиям. Возникновение новых классов – буржуазии и пролетариата, чьи взаимоотношения оставались нерегламентированными, деятельность земских съездов, чьи рекомендации полностью властью игнорировались, порождали недовольство в обществе и активизировали радикальные группы. Развитие капитализма не повлекло за собой никаких перемен в старых укладах жизни людей, отсюда и противоречия между новой системой и старыми пережитками.

Волна революции 1905 года, вызванная нерешенностью актуальных вопросов развития государства и общества, вынудила власть встать на путь диалога. Свободы, дарованные Никола-

ем II, придали оппозиции правовой характер, однако авторитарная практика монархического правительства, будучи всецело ориентированной на нейтрализацию общественных сил, отсутствие традиции сотрудничества, порождало взаимное непонимание, политическую близорукость, агрессию.

Либералы в организационном плане были наименее подготовлены к политической борьбе, нежели их оппоненты из революционно-демократического и правительственного лагерей. Замедленная политическая организация крупного бизнеса проявилась на Урале и в Оренбуржье особенно ярко.

Первый революционный 1905 год в Оренбуржье представлен генерал-лейтенантом Я.Ф. Барабашем следующим образом:

«Возникшее за последнее время общее политическое движение отразилось в отчетном году в Оренбургской губернии железнодорож-

ной и почтово-телеграфной забастовками и еврейским погромом в городе Челябинске. Были также непродолжительные забастовки рабочих на некоторых мельницах и в других промышленных и ремесленных заведениях, не сопровождавшиеся, однако, особыми беспорядками; были также случаи, весьма, впрочем, немногие, самовольной рубки крестьянами частныхладельческих лесов и распашки земли. Но все вышеупомянутые события не принимали больших размеров, и окончились без применения вооруженной военной силы, равным образом не было употреблено таковой и при уличных демонстрациях. Политических убийств и нападений на казенные учреждения не было» [1].

Из послания нового губернатора В.Ф. Ожаровского видно, что следующий год складывался более драматично:

«В начале отчетного года, вследствие беспорядков на Сибирской и Самаро-Златоустовской железных дорогах, г. Челябинск и Челябинский уезд объявлены были на военном положении с подчинением временному генерал-губернатору.

...Революционные движения, в общем, в сравнительно слабой степени, выразившись в обнаруживаемой местами преступной деятельности агитаторов, в забастовках рабочих в промышленных предприятиях преимущественно на мельницах, также в более или менее значительных самовольных порубках леса. Случай применения вооруженной военной силы имел место лишь однажды в Оренбурге при рассеянии толпы, демонстративно собравшейся к отделению тюрьмы, где содержались политические арестанты. Затем в г. Челябинске были случаи нападения на жандарма ст. Челябинск с нанесением ран и вооруженного ограбления торговой лавки, за что виновные в числе 4-х человек, по приговору военно-полевого суда, подвергнуты смертной казни» [2]. Таким образом, можно утверждать, что революция не «встряхнула» оренбургское общество, которое, в политическом отношении было инертно и неподатливо. Еще одним фактором, указывающим на отставание Оренбургской губернии в уровне политизации, «отсутствии духа либерализма», или вообще всякой внятной оппозиционности хотя бы в русле общероссийской практики, присущей соседним губерниям Урало-Поволжья, – это,

безусловно, отсутствие земств. Даже такой крупный критик всякого рода государственных реформ – В.И. Ленин, признавал значение земского либерализма в борьбе с самодержавием и в этом смысле поддерживал его. Он даже готов был согласиться с утверждением П.Б. Струве о том, «что земство – кусочек конституции» [3].

Оренбургское общество было лишено подобной формы самоуправления, отчасти в силу проблемы обособленности казачьих территорий, а введение в губернии «Положения о земских участковых начальниках» с 1 октября 1894 года, не могло заменить земств, хотя априори предполагалось возложить на земских начальников часть функций земств [4].

Безусловно, ведущая роль дворянства в плане формирования взглядов, настроений в обществе того периода, признавалась теоретиками как «слева», так и «справа». И здесь специфика Оренбуржья такова, что роль дворянства не была преобладающей в силу малочисленности этого класса в губернии.

Низкий уровень политического сознания не только общей народной массы, но и в среде интеллигенции, чиновников, проявился в период образования либеральных партий: сказалось отсутствие демократических традиций, общий низкий уровень образования среди населения, включая многих представителей служивого класса. Подобные тенденции ярко проявились в период образования местных либеральных объединений на территории Оренбургской губернии. Так 37 отделов политических партий составляли лишь 6,22% от общего количества политических группировок Урала. При этом уровень радикальных групп был весьма низок: 3,36% на фоне сравнительно высокого уровня либеральных объединений по Уралу – 21,33% [5], [6].

На фоне участившихся правонарушений, совершаемых членами леворадикальных партий, убийств представителей власти, хищений государственного имущества и т. д., приобретших чудовищные размеры по стране в целом и на Урале в частности, Оренбуржье было относительно спокойно. Показателен в этом отношении рапорт ротмистра Н.В. Кучина, помощника Начальника Оренбургского губернского жандармского управления в Троицком и Верхнеуральском уездах от 10 сентября 1907 года:

«По поводу сведений, требуемых циркуляром Департамента полиции от 24 августа сего года за №10950 доношу о нижеследующем:

Революционных организаций в тесном смысле этого слова во вверенном мне районе за время с 6-го марта сего года по настоящее время не имеется. Зарождавшийся было кружок соц-демократов в Троицке в настоящее время распался... После роспуска думы местные либералы как-то присмирели и в них не замечается прежней смелости...» [6].

Судя по всему «местные либералы» доставляли гораздо больше беспокойства...

Единственным серьезным столкновением властей с леворадикалами была демонстрация, прошедшая в г. Оренбурге 22 мая 1906 года, в ходе которой, в результате провокации со стороны митингующих, казаками был убит рабочий Золотухин [7].

Консервация традиционных, полукрепостнических хозяйственных и общественных отношений формировала в местных либеральных и социалистических кругах убежденность в необходимости совместных усилий для идейного просвещения косного, традиционалистского локального общества.

Так, первая конференция организаций РСДРП Оренбуржья в октябре 1906 года, констатировала низкий процент городского населения; немногочисленность пролетариата, сохранявшего к тому же тесную связь с теми социальными группами, из которых он вышел; преобладание мелких землевладельцев, полукрепостных групп: крестьян, башкир, казаков и полукочевых инородцев – киргизов; отсутствие политического расслоения масс, еще не живших широкой политической жизнью, аполитизм избирателей-мусульман, среди которых даже пролетарские слои безоговорочно шли за либеральной Мусульманской народной партией [8].

Все это приводило к выводу о невосприимчивости населения к социал-демократической пропаганде и необходимости блокироваться на выборах во II Государственную думу с «буржуазно-оппозиционными» партиями до кадетов включительно. Тем не менее, Оренбургская организация РСДРП, отличавшаяся умеренными позициями, на общегородской конференции летом 1907 года, приняла реше-

ние участвовать в выборах в III Думу с целью «революционировать и спланировать народные массы на почве недовольства существующим строем, использовать думскую кафедру в агитационных целях, подготовить народ к борьбе с самодержавным царским правительством путем вооруженного восстания» [9].

Кульминация выступлений рабочих пришлась на Всеобщую стачку рабочих железных дорог России. В целом их требования носили экономический характер, а выступления не были поддержаны большинством населения. Однако следует отметить, что, хотя революционное движение в первой половине 1907 года пошло на убыль, забастовки не прошли бесследно. Рабочий день сократился в среднем с 11,5 до 10,5 час, а заработная плата увеличилась в среднем на 50%. Крестьянские и солдатские выступления в губернии являлись в большинстве случаев стихийными, были слабо организованы [10].

Патриархальная замкнутость как рабочего, так и сельского населения Урала создавала прочный барьер между этими социальными группами, разрушить который было одинаково сложно как «левым», так и «правым».

Вряд ли можно говорить о каком бы то ни было «союзе крестьянства и пролетариата», для большинства крестьян сам термин «пролетарий» был непонятен. Во многом показательным делом по обвинению волостного старшины 1-й Усерганской волости – К. Ишдаветова, которое в виде докладной записки легло на стол Непременному Члену Орского Уездного по крестьянским делам Присутствия: «Волостной старшина Ишдаветов ведет жизнь не трезвую, разгульную. В трактирах пьянствует со своими товарищами – (!) пролетариями, приглашает игроков на дудках, ведет не по состоянию расходы... А потому на основании вышеизложенного, мы имеем честь просить Ваше Превосходительство, предписав кому следует, произвести проверку» [11].

Безусловно, особенности развития Оренбуржья и Урала в целом, повлияли на политическую жизнь в регионе, которая характеризовалась замедленным самоопределением населения, меньшим, чем в центре страны, размахом оппозиционных настроений и движений и воплощением их в старые, патриархальные формы протеста.

Между тем, по распоряжению командующего войсками Казанского военного округа, с 25 июля 1907 года, действовал временный военный суд, который начав работу в Уфе, действовал в Оренбурге в ноябре 1907, декабре 1908, мае и сентябре 1909 года [8, с. 155].

Не следовало бы, однако, полагать, что правительственные репрессии обрушились исключительно на леворадикальные организации и объединения, им были подвергнуты и представители Конституционно-демократической партии. Хотя по сравнению с крайне левыми, «кадетская» оппозиция вела себя по отношению к государству более лояльно и достаточно корректно, однако все это для властей было сомнительно.

Более того, отношения властей к партиям оппозиции принципиально не различалось. Не случайно привлеченные к суду против «кадетов» в качестве свидетелей полицейские по «привычке» заявляли, что «нашли во время обыска документы социал-демократов...» [8, с. 155].

И, тем не менее, известная дифференциация наблюдалась. Во-первых, репрессии против более активных «эсеров» и анархистов-коммунистов были более жестокими, чем против социал-демократов. В уфимской эсеровской газете «Крестьянин и рабочий» в марте 1907 года в связи с выборами во II Думу было дано объяснение этому явлению: «Ни кадетам, ни с.-д., ни даже трудовикам не было надобности скрывать свою физиономию на выборах: правительство до известной степени мирится с существованием этих партий, ведущих более-менее умеренную борьбу с ними... Мириться же с существованием социалистов-революционеров, открыто и смело признающих террор над всеми насильниками и угнетателями народа, правительство не может. Оно, правда, видит в с.-д., врагов, но сравнительно не опасных...» [8, с. 160].

Недоверие и подозрительность было характерно для отношения администрации к близкой Конституционно-демократической партии – Мусульманской народной партии. Оренбургское правительство неоднократно отказывали ей в легализации на том основании, что ее главной целью значилось укрепление начал конституционной монархии и развитие их на почве манифеста 17 октября. Это вызвало жалобу

учредителей в Сенат, так как данный пункт был целиком заимствован из программы легализованной партии Мирного обновления.

Взаимоотношения органов власти – полиции и жандармерии – с леворадикальными партиями были отнюдь не однозначны, как может показаться.

Несмотря на известное противостояние, имел место парадокс: секретные сотрудники «освещали» деятельность «своих» революционных организаций и тем самым обеспечивали жандармерии видимость плодотворной работы, а их чинам быстрое продвижение по службе...

Начальник Оренбургского жандармского управления в апреле 1909 г. предлагал отсрочить «ликвидацию» Оренбургской группы РСДРП, так как «среди ее участников возникли подозрения, что их «освещают», и он рискует потерять своих осведомителей...» [12].

В целом, уровень политизации населения Урала оставался довольно низким и в последующие годы. Показателен в этом отношении рапорт Троицкого уездного исправника Оренбургскому губернатору от 1 января 1912 года:

«...В политическом отношении, как в городе, так и в уезде все спокойно.

Никаких точно определенных партий ни в городе, ни в уезде нет, и почти все население может быть отнесено к умеренным и беспартийным. В городе функционируют общества, преследующие чисто благотворительные цели: «Общество приказчиков», «Народная польза», «Магометанское благотворительное общество», «Общество взаимопомощи на случай смерти», «Общество вспомоществования голодающим».

Все эти общества от прямой своей цели – благотворительности, не уклоняются» [13].

Заметных политических откликов не получил ни Ленский расстрел 1912 г., ни дело Бейлиса 1913 г.

Любопытна в этом отношении переписка эсера К.С. Киселева и М. Аксенова, в ходе которой Киселев сетует ссыльнопоселенцу Аксенову на неорганизованность местных рабочих, которые не помнили расстрела их товарищей 13 марта 1903 года и событий 9 января 1905 г. В ответном письме Аксенов выразил удивление по поводу равнодушия рабочих к падению расценок и отсутствия солидарности: «Неужели так безнадежны рабочие...?» [14].

Политические партии, прежде всего социалистические, сыгравшие активную роль в революционных событиях многих регионов страны, в Оренбургском крае были слабы и незначительны, не имея социально-питательной среды, в том числе и из-за политически-инертного и зажиточного населения, из-за большинства крестьянского и казачьего населения.

В письме неизвестного автора в ЦК РСДРП о подъеме рабочего движения на Урале в 1913–1914 гг. констатировалось: «Урал далеко отстал еще от тех районов, где широко разлилось массовое рабочее движение. Мы только теперь делаем робкие неуверенные шаги, неизбежные в начале всякого широкого общественного развития. Если же оживление началось так поздно, то в этом, наряду с другими причинами, у нас важную роль играют те экономические особенности Урала, которые создают сложные отношения между трудом и капиталом» [15].

Однако к началу Февральской революции политические позиции общества имели тенденции к значительному полевению.

Показательно, что в записке Николаю II о перспективах выборов в 5-ю Думу (весна 1916 года) Урал охарактеризован как один из самых левых районов страны, а Уфимская и Оренбургская губернии объявлены «вернейшими оплотами левых общественных элементов». Делая вывод, хочется признать, что действия «сторон» оппозиции и власти были взаимны: каждый стремился к собственной выгоде, не стесняясь в выборе средств и методов, забывая при этом о главном: ради чего они существуют. Леворадикалы готовы были умирать и умирали «за замученный царизмом народ», но им вряд ли бы пришло в голову, что любовь к народу обязывает любить родину – Российскую державу.

Власть, установив правовые рамки для оппозиции, подчас нарушала их, в угоду сиюминутной политической выгоды, а подчас и головоугодия на местном уровне и, в целом, приписывая всей оппозиции одинаково внеправовые тенденции, не желая разобраться во всех оттенках, нюансах, притесняла и недооценивала по настоящему нужных стране либера-

лов. В частности, в трагедии Конституционно-демократической партии прослеживается трагедия всей России.

В условиях резкой политизации неисключенного населения возникла ситуация, при которой обыватель обильно насыщался широким диапазоном оппозиционных взглядов, несовпадающих с рамками программ каких-либо партий. Показательно, что, несмотря на всевозможные требования различных социальных слоев, российское общество начала XX века, представляло собой образец национальной консолидации и высказало редкостное единодушие в вопросе о том, против кого был направлен его протест. Стержнем данного явления было неприятие самодержавия со всеми его институтами и атрибутикой, что реализовалось в различных формах поддержки всех антимоноархических сил.

Либеральные свободы, что даровал Манифест 17 октября 1905 года, правительству представлялись кратковременной уступкой, не имеющей развития в будущем. Политический диалог с «вменяемой», легальной оппозицией в рамках правового поля не состоялся, чему способствовала авторитарная практика монархического правительства, всецело ориентированная на нейтрализацию общественных сил. Все это породило с одной стороны апатию населения, с другой же позволяло убедиться в правильности радикальных лозунгов, что призывали не верить власти.

Таким образом, взаимоотношения партий и власти и до, и после манифеста 17 октября 1905 года, можно охарактеризовать как обоюдное неприязненные (за исключением разве что крайне правых). С одной стороны, власть не желала прислушиваться к интересам большинства населения России, выразителем волеизъявления которых были, в том числе легальные политические партии. С другой стороны, неисключенное в политике общество было единодушно в неприятии самодержавия и нежелании компромиссов. Подобное обоюдное непонимание и породило в конечном итоге Февральскую революцию 1917 года и последовавшие за этим страшные социальные потрясения.

7.12.2015

Список литературы:

1. ГАОО. Ф. 10. Оп.1. Д. 248/1. Л. 56об.
2. ГАОО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 278/1. Л. 54об., 62.

3. Ленин, В.И. Гонимые земства и аннибалы либерализма // Ленин, В.И. Полн. собр. соч. – Т. 5. – М., 1972. – С. 65.
4. Большов, В.В. Кахановская комиссия (1881 – 1885): К вопросу о внутренней политике самодержавия в первой половине XIX в.: дис. ... канд. ист. наук / В.В. Большов. – М., 1981. – С. 30.
5. ГАОО. Ф. 183. Оп. 1. Д. 2. Л. 74, 75 об;
6. ГАРФ. Ф. 523. Оп. 2. Д. 1. Л. 31.
7. ГАОО. Ф. 21. оп. 5, д. 23. Л. 29.
8. Очерки истории Оренбургской областной организации КПСС. – Челябинск: Юж.-уральск. кн. изд-во, 1983.
9. Нарский, И.В. Политические партии на Урале (1901-1916 гг.): дис. ... д-ра ист. наук / И.В. Нарский. – Челябинск, 1995. С. – 156.
10. ЦДНИОО. Ф. 6002, оп. 1, д. 620. Л. 5 – 6.
11. Злобин, Ю.П. Союз рабочего класса и трудового крестьянства – решающая сила победы Октября в гражданской войне на Южном Урале / Ю.П. Злобин. – Оренбург, 1987. – С. 160.
12. ГАОО. Ф. 31. Оп. 1. Д. 1. Л. 17.
13. Оренбургский край. – 1908. – 17 сентября.
14. ГАОО. Ф. 21. Оп. 2. Д. 277. Л. 2.
15. ГАОО. Ф. 21. Оп. 2. Д. 349. Л. 5.
16. Нарский, И.В. Политические партии на Урале (1901-1916 гг.): дис. ... д-ра ист. наук / И.В. Нарский. – Челябинск, 1995. – С. 193.

Сведения об авторе:

Попов Виталий Борисович, преподаватель кафедры истории
Оренбургского государственного университета, кандидат исторических наук
460018, г. Оренбург, пр-т Победы, 13, e-mail: Vita.-80@mail.ru